Несмотря на отрицание, его глаза были очень внимательными и напоминали орла, наблюдающего за своей добычей, что заставило Цзян Яо скептически отнестись к его ответу.

Через некоторое время девушка пробормотала:

— Нет, это не так. Ты явно злишься.

— Я же сказал, что не сержусь. Четыре года - это очень мало, я могу подождать, — пояснил Лу Синчжи серьезным тоном. Затем он тяжело вздохнул и потребовал: — Я сказал «нет», но ты мне не веришь. Скажи мне, что я должен сказать или сделать, чтобы заверить тебя, что не сержусь?

Это замечание было расценено как капитуляция Лу Синчжи перед Цзян Яо, поскольку они зашли в тупик. Похоже, ей было не все равно, раздражает она его или нет.

— Если ты действительно не сердишься, улыбнись мне, — сказала Цзян Яо и широко улыбнулась Лу Синчжи.

Палящее солнце летом казалось естественной печкой, обжигающей людей на земле.

Однако в этот момент высокая температура совсем не беспокоила Лу Синчжи, как будто он не чувствовал жары. Его взгляд был прикован к ее молодому, сияющему улыбкой лицу.

Лу Синчжи был загипнотизирован этим видом. Это был первый раз, когда Цзян Яо улыбнулась ему. Ее розоватые губы слегка приоткрылись, обнажив блестящие белые зубы и милый клыки с двумя ямочками, появившимися сбоку губ. Ее глаза наполнились счастьем и надеждой, что вдруг напомнило ему священное озеро, которое он видел в Тибете, совершенно прозрачное и спокойное.

— Ха, — инстинктивно Лу Синчжи выдохнул и нежно погладил ее по голове. — Клянусь, я не сержусь, пока ты счастлива.

Его объяснение заставило Цзян Яо почувствовать вину за свой скептицизм. Она хотела извиниться за то, что сомневалась в нем.

— Я любил твои длинные волосы. Ты можешь отрастить их, когда поступишь в университет?

Возможно, из-за ее безмятежных и прекрасных взглядов Лу Синчжи выпалил этот вопрос, сам того не осознавая. Он вспомнил, что в первый раз, когда он встретил ее, ее волосы танцевали на ветру, и ему это понравилось.

Однако, когда она была в выпускном классе, она обрезала свои длинные волосы, так как у нее

не было времени ухаживать за ними из-за ее тяжелой и утомительной школьной нагрузки. Она выглядела опрятной и умной с короткими волосами, но ей не хватало нежности и приятного чувства, которое исходило от нее, когда у нее были длинные волосы.

В любом случае, как только он закончил говорить, он мог только горько улыбаться. Она просто улыбнулась ему, и он потерял рассудок. Разве Цзян Яо должна отрачивать длинные волосы только из-за его просьбы?

Не дожидаясь ее ответа, Лу Синчжи сменил тему:

— Давай вернемся в дом, они ждут нас.

Хотя он знал, что Цзян Яо откажется от его просьбы и найдет прекрасный предлог, чтобы оправдать свой отказ, Лу Синчжи не хотел этого слышать.

Цзян Яо кивнула и бросилась вперед, чтобы не отстать от Лу Синчжи, который был на два шага впереди нее. Когда она наконец догнала его и пошла рядом, то сказала:

— Если тебе это нравится, я отращу их.

Ее тон был резким и небрежным, но это заставило Лу Синчжи слегка вздрогнуть. Его привычка держать все в себе скрыла дрожь, и он быстро восстановил самообладание.

— Вы закончили разборки? — поддразнила их Лу Юйцин, увидев, что они вошли. — Как прошел разговор?

— Она поступит в медицинский университет Наньцзян, как и планировала. Она еще слишком молода, чтобы иметь ребенка, поэтому мы подождем, пока она закончит университет, — усевшись, Лу Синчжи налил Цзян Яо миску супа и поставил ее перед ней. Некоторое время он наблюдал за ее реакцией, пока она брала миску, потягивала суп и тайком улыбалась. Он не показал своей улыбки, но его глаза наполнились радостью и удовлетворением.

Она была не против воспользоваться его миской.

Госпожа Лу кивнула на замечание сына.

— Да, ты прав, я почти забыла, что Цзян Яо всего девятнадцать лет. В этом возрасте она слишком молода, чтобы иметь ребенка.